

С.А. Гашков

«Признания плоти» М. Фуко: к осмыслению методологии и значения

Гашков Сергей Александрович – кандидат философских наук, доктор философии Университета Пуатье (Франция), доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Российская Федерация, 196005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 7; e-mail: sgachkov@hotmail.com

Целью статьи является анализ предмета, структуры и элементов содержания вышедшей посмертно работы французского философа Мишеля Фуко «Признания плоти» (2018, рус. пер. 2021). Автор показывает, что Фуко демонстрирует в этой книге предметно-методологический поворот не только к святоотеческой традиции (что дало некоторым исследователям повод говорить о «новой теологии»), но и к осознанию необходимости единства философского и филологического подхода к данным текстам, выраженного в «лексикализации» (термин Ф. Шевалье). Автор анализирует фрагменты книги, посвященные христианскому целомудрию и аскетической модели Кассиана, чтобы продемонстрировать историко-философское значение проводимых Фуко различий между античной и христианской концепциями девственности, а также «запретительной» и «трансформационной» формами аскетизма.

Ключевые слова: Мишель Фуко, «Признания плоти», целомудрие, аскетизм

С помощью понятия признания (aveu) я не стараюсь создать общую рамку, которая позволила бы мне всё свести к одному и тому же: от исповеди до Фрейда. Напротив, как и в «Словах и вещах», я пытаюсь сделать очевидными различия.

М. Фуко

Выхода «Признаний плоти» (2018) – четвертого, посмертного тома «Истории сексуальности» Фуко – многие ожидали, надеясь найти там объяснение работы «позднего» Фуко. «Признания плоти» не противоречат этому представлению, но дополняют его новым неожиданным поворотом: скрупулезным анализом ряда раннехристианских текстов, осуществленным при помощи метода, который профессор Фуко начал разрабатывать в курсе лекций «Об управлении живущими» (1979–1980).

В своей статье мы исходили из следующих методологических предпосылок: уделять особое внимание вводимым Фуко в тексте различиям и противопоставлениям; поскольку творчество Фуко было прервано скоропостижной кончиной философа, сфокусировать внимание на его предметно-методологической эволюции периода написания данного произведения и не пытаться выдвигать дальнейшие обобщения.

«Признания плоти»: единство предмета и метода

У проекта «Истории сексуальности» сложная судьба. Первый том «Воля к знанию» вышел в 1976 г., вскоре после опубликования «Надзирать и наказывать» (1975). С одной стороны, Фуко использует в нем ряд вполне марксистских сюжетов, таких как становление «буржуазии», происхождение семьи, рационализация власти, развитие социальных институтов и научного знания (медицины, биологии, психиатрии) и т.д. С другой стороны, он вводит ряд новых тем, таких как «диспозитив», «сексуальность», «биовласть», «население» (population), не вписывающихся в структурную логику его же «генеалогического» проекта. Он осуществляет «критику критики» в адрес модной в то время гипотезы о подавлении буржуазным обществом «сексуальности», сталкивая марксизм и психоанализ там, где их принято было «инструментализировать».

После этого Фуко намеревался продолжить проект в виде пяти томов, предметом которых должна была бы стать *scientia sexualis* («наука о сексе»). Первые из них предполагалось посвятить Средневековью, а следовательно, тематике христианской духовности («Плоть и тело», «Крестовый поход детей»). Но вместо этого Фуко издал два тома, представлявшие собой экскурс в античную «заботу о себе». Полноценный текст о раннехристианской духовности («Признания плоти»), как сказано выше, был опубликован посмертно в 2018 г.

В посвященном выходу «Признаний плоти» выпуске “Foucault Studies” (2021) ряд известных авторов пытаются обосновать единство творчества «позднего» Фуко с точки зрения фуколдианской трактовки таких основополагающих христианских концептов, как «плоть» (Бернауер), «исповедание» (Бюттген) или «желание» (Колombo), а также с позиции критики Фуко «неолиберализма» (Харкурт) [Colombo, McGushin (eds.), 2021]. Как подчеркивает М. Сенелляр, важно то, что не следует понимать христианскую субъективацию по Фуко как «подчинение» (*asujettissement*), не забывая при этом, что это не может служить достаточным основанием для некоторых интерпретаций, представляющих отношение Фуко к христианству как новую «негативную теологию постмодернизма» (МакСвини, Кэррет, Бернауер) [Senellart, 2007, p. 51].

В своей фундаментальной монографии «Фуко и христианство» французский филолог Ф. Шевалье шаг за шагом исследует эволюцию мысли позднего Фуко к анализу христианства. Автор показывает, что «для Фуко христианство – не есть в первую очередь религия послушания и признания» [Chevallier, 2011, p. 17]. Мы рискнем резюмировать результаты, к которым приходит Шевалье в процессе своего рассуждения, в трех взаимосвязанных пунктах: 1) «христианство» представляет собой самостоятельно сформировавшийся автономный корпус текстов, авторы которого (Святые отцы) не отличали этот корпус от главного текста христиан – Библии. 2) За два года – с 1978 по 1980 – в творчестве Фуко наблюдается поворот к истории мышления, связанный отчасти с тем, что профессор Фуко унаследовал кафедру Ж. Ипполита «История мышления», а также с появлением новой методологии, приходящей на смену археологии и генеалогии, которую в курсе «Об управлении живущими» философ – под влиянием «методологического анархизма» П. Фейерабенда –